

ПЕРСОНАЛИЯ

УДК 93/94

DOI: 10.17223/00213411/69/2/13

**Судьба ученого и государственная политика
в позднеимперской и раннесоветской России
(к 150-летию со дня рождения профессора
Александра Петровича Поспелова)***Г.В. Майер¹, С.А. Некрылов¹, А.О. Степнов¹*Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия*

Исследуется жизненный путь профессора-физика А.П. Поспелова (1875–1949). Прослеживается влияние государственной национальной политики на западных окраинах Российской империи на его профессиональную социализацию. В Сибири он сделал карьеру ученого, стал первым деканом физико-математического факультета, а затем ректором Томского университета. Он как представитель группы первых сибирских профессоров-физиков точно спрогнозировал, а во многом даже определил сценарии научного освоения и развития этого региона в советское время. Отмечается значительное, хотя и не всегда очевидное, влияние идеологии и научного мировоззрения А.П. Поспелова и других физиков его поколения на государственную политику в области науки, техники и высшего образования позднеимперского и раннесоветского периодов.

Ключевые слова: государственная политика, высшее образование, университеты, Сибирь, революция, А.П. Поспелов.

Государственная политика поздней Российской империи в области науки и высшего образования редко становилась предметом специального исследования. Эта тема присутствует скорее на полях классической и современной историко-научной литературы. Основные установки здесь хорошо известны. Прежде всего, сравнение с последующим советским периодом заставляет воздерживаться от утверждений о существовании такой целостной политики в Российской империи (скорее нужно говорить о множестве подходов, формируемых разными лицами и ведомствами). Государство в отношении высшей школы проявляло осторожность, в отдельные периоды переходящую в подозрительность. Это манифестировано в сословно-классовой фильтрации студенческого и профессорско-преподавательского состава, в жестком контроле над внутренним распорядком высших учебных заведений со стороны попечителей учебных округов и других чиновников Министерства народного просвещения, в репрессивных мерах. Последние, правда, предпринимались редко, и самым большим наказанием для особо фрондирующих ученых порой было увольнение и запрет на преподавание (зачастую временный) в государственных вузах (В.А. Обручев, М.М. Ковалевский, Н.М. Кижнер, Ф.Э. Молин и др.). Активное развитие в начале XX в. (главным образом во время и после Революции 1905–1907 гг.) сети частных высших учебных заведений, куда можно было перейти на преподавательскую и научную работу, смягчало эти меры: «мучеников режима» среди ученых в Российской империи было немного.

Отсутствие стройной и системной политики в области науки и высшего образования (эта политика была прерывной, лишенной цельности и реактивной – по преимуществу отражала реакцию правительства на проникновение общественно-политического процесса в стены вузов), однако не исключало того, что самые разные направления государственной политики (в области национальной, сословной, даже конфессиональной и т.д.) имели влияние на науку и высшую школу. Важен и другой аспект: ученые позднеимперской России далеко не всегда (вопреки некоторым устоявшимся мнениям) были просто объектами этой политики. Напротив, субъектная роль людей науки является зримой – многие ученые тогда были агенты и субъектны. В этом смысле изучение политики того периода не может исчерпываться исключительно входящими сигналами (законодатель-

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.